

И жалостью своею подарите». И струны он слегка перебирал, Проснулся плотник, песню услышал И прошептал жене: «Эй, Алисон! Ты слышишь, как мяучит Абсолон,⁹⁴ И, кажется, у нашего забора?» «Ну, этакое не страшусь я вора», - Так, не смущаясь, не боясь нимало, Ему жена сердито отвечала. И вот пошло день ото дня все хуже, Авессалом увяз, как боров в луже. Так рьяно он любимой домогался, Что все забыл, бедняк, всего чуждался. Не спал ни часа он ни днем, ни ночью, Волос вычесывал гребенкой клочья, А все чесал их, все-то наряжался, Он через своден к милой обращался, Он трели выводил, как соловей; Быть скромным пажем обещался ей; Он посылал ей пряное вино, Чтоб кровь ей будоражило оно, И пряники, и вафли, и конфеты, И золотые звонкие монеты - Приманку для ее ушей и ока. Он знал, чтобы увлечь на путь порока, Пригодны разнородные пути: Любого можно лестью обойти, Смирить ударами, склонить смиреньем. И он старался с неослабным рвением Всем угождать красавице своей. Роль Ирода не раз он перед ней Играл в мираклях, – все не помогало И отклика у милой не встречало: Так нравился ей Душка Николас. Авессалом остался в этот раз С предлинным носом. Так ему и надо. На все старания – в ответ досада; Все рвение – одна забава ей. Его игрушкой считать своей Она привыкла. Говорит присловье: «Далекому не одолеть в любви, Когда сосед-искусник завелся». И как псаломщик к милой ни рвался, А Николас был ей стократ милее. Что ж, Николас, гляди же веселее! И вот однажды, в самую субботу. Когда супруг отправился работать, Договорилась милая с дружкой, И порешили, наконец, на том, Что Николас супруга одурачит И что тогда же, в случае удачи, Они в постели вечер проведут.

⁹⁴ Абсолон – простонародное искажение имени Авессалом.